

*Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой*

Мария
Метлицкая

Несбывшаяся жизнь

Книга 2

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Метлицкая, Мария.

М54 Несбывшаяся жизнь. Книга вторая / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-226627-0

Лиза стала матерью — и только тогда по-настоящему поняла, что значит быть дочерью. Измученная потерями, она пытается найти свое место под солнцем. Когда-то брошенная сама, Лиза не способна на предательство. И она бесконечно борется — за жизнь родных, благополучие дочери, собственные чувства... Но не было бы счастья, да несчастье помогло: в Лизиних руках появляется новое хрупкое чудо. Хватит ли у нее сил нести его вперед? Лиза учится прощать, принимать и, наконец, позволять себе быть счастливой. В этой истории — всё, что бывает в настоящей жизни: вина, прощение и надежда.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226627-0

© Метлицкая М., 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

Часть 1

ВСЕМ СЕСТРАМ ПО СЕРЬГАМ

1

Этот Новый год Мария запомнила на всю жизнь.

Нелеп был женишок, неуклюж, несуразен, а главное — неуместен.

Да и Лиза все понимала, это было видно. Понимала, а все равно решила попробовать: устала от женского одиночества, что ж непонятого. А вдруг получилось бы? Пообтесался бы парень, речь поправил, оделся как приличный человек, постриг свои буйные кудри. В театры бы стал ходить вместе с Лизой, в консерваторию. Глядишь, и сложилось бы. За такими, как этот увалень, женщина всегда как за каменной стеной. Такие не предадут, не бросают. Не то что хлюпик Дымчик — маменькин сынок, каприза и карьерист.

Но здесь нужна еще одна штука — любовь.

Мария знала, как ведет себя женщина, которая любит. Как горят глаза и светится кожа, блестят волосы, звенит и переливается голос, какие появляются интонации... А здесь этого не было. Ну и бог с ним, — через полгода забыли бы об этом Лешке и не вспоминали бы, мало ли чего в жизни не бывает.

Только чем кончилась эта история! Бедная Лиза, несчастная девочка...

Мария Метлицкая

Ладно, как получилось. Ничего не поделаешь. Оклемается, пойдет на работу, а там, гляди, и встретит кого-то, из своей же — знакомой и понятной — среды. Врвча-коллегу — сколько их! Конечно же встретит, Лиза так молода и так хороша! Просто не везло, так бывает. Но когда-нибудь обязательно повезет.

Мария вздохнула и тихо прикрыла дверь. Плохо ее девочке, очень плохо. Потеря ребенка — горе. Конечно, и за Лешку Лиза переживает, что ж приятного? Обнадежила парня, приручила... и выгнала. Некрасиво. Но если нет любви? Мария твердо была уверена: только любовь может все оправдать. Любые действия и поступки, даже самые непрезентабельные и неоднозначные. Даже подлые, если хотите. Только любовь, а все остальное — мелочи жизни. Жизненные, так сказать, обстоятельства.

И кроме постели — а в молодости она безусловно важна, никто не спорит, — должно быть еще что-то общее. И не что-то, а многое! О чем они будут разговаривать, когда пройдет страсть, что обсуждать? Недаром в прежние времена брали из своего же словия.

Людям необходимо говорить на одном языке, по взгляду, по жесту друг друга чувствовать. Так было у них с Ленечкой. Мария точно знала, что он скажет через минуту, понимала, когда у него болит голова или жмет сердце. Потому что он был ее частью, ее половиной. Ее мозгом, сердцем, душой, телом.

Они через такое прошли, что и страха не осталось. Нет, не так: страх был. Один-единственный, непроходимый — остаться без него. Но еще в молодости

Несбывшаяся жизнь

Мария твердо решила: уйдет он — и следом уйдет она, благо способов уйма. На что ей жизнь без него? Она и дышать не сможет, какая тут жизнь!

А не ушла. Осталась. Греха испугалась или решила еще пожить?.. Вроде и незачем: ни желания, ни смысла не осталось, а уйти не решилась...

Долго крепилась. Несколько лет жила как старая поломанная машина. Ночь, утро, день, вечер. Застелить постель, почистить зубы, расчесать волосы. Выпить чаю, сжевать безвкусный хлеб. Снова лечь, закрыть глаза. Сходить в магазин — молоко, хлеб, пряники. Опять лечь, закрыть глаза. Зачем жить? Живут ради, живут во имя. А у нее — ни того ни другого.

И сколько еще таких муторных лет впереди? Дай бог, чтобы поменьше...

А потом... Потом дочке написала. Написала — и тут же отравила, чтобы не передумать. Поскулила, пожалилась, поныла.

А про себя подумала:

«Не хочется в стылую землю, рядом с любимым? Ах ты, старая стерва!»

Так устроен человек: цепляется за жизнь, не хочет добровольно расстаться. Одна надежда была — Лиза не ответит, тогда и... Тогда и решится. Даже таблетки припасла: вон они, в тумбочке.

Мария была уверена, что дочь не ответит. И правильно сделает: какая она мать и почему Лиза должна ее жалеть, взваливать на себя такую обузу?

Но Лиза ответила. Тут же ответила, сразу, Мария такого и не ждала.

Телеграмму отбила:

Мария Метлицкая

«Бери билет и приезжай».

И тут Мария испугалась. Получится ли у них совместное житье-бытье, смогут ли они вместе? Совсем же друг друга не знают! Они чужие — соседи и те ближе...

И их первую встречу Лиза наверняка не забыла. Нехорошо получилось, некрасиво. Эгоистка она, и правильно Нинка говорила: «Ты, Машка, страшная эгоистка, думаешь только о себе!»

Не растила единственную дочь и даже не приняла ее по-хорошему, по-человечески, с открытым сердцем и покаянием.

Да, Мария думала о себе. И о Ленечке, который без нее не сможет... А дочку она заберет — потом, когда обустроится... Только «потом» не случилось.

А если все это не так? Если это выдумка, плод ее фантазий? Если она только уговорила себя, что Леня погибнет, и сама же поверила? Сама поверила — и всех остальных убедила. Его, например. По правде сказать, он ее отговаривал. Да как отговаривал — умолял! Но нет, настояла на своем: поеду — и точка.

Героиня. Декабристка. Ужасно гордилась собой. Но... опять эгоизм:

«Вот — теперь он мой, окончательно мой! Семья предала, отказалась. А я — вот она я, рядом!»

Думала, кончится срок — и они уедут в Москву. Мужем и женой уедут, все чин по чину. Будут в Москве жизнь налаживать.

Не получилось.

Ничего не получилось.

Даже домик в Крыму — крохотный, ветхий — от них сбежал. Не принял. Вот как судьба распорядилась.

Несбывшаяся жизнь

Остались в этом забытом богом углу жизнь свою доживать.

И что, и дожили. Неплохо дожили. Везде люди живут. Если бы не Ленечкина болезнь...

А если бы Мария тогда за ним не поехала — осталась с ребенком? А к нему, как все, *наезжала* на длительные свидания? А когда срок вышел — приехала бы за ним и увезла б в Москву. Как бы сложилось тогда? Кто знает...

И еще... Могла дочку забрать. Могла. Сразиться не на жизнь, а на смерть с сестрицей — и забрать. Но смирилась: может, и вправду так лучше? Как же ребенку в таком диком климате, да без врачей, без нормальной школы, нормальных продуктов. И не поспоришь, все так, согласилась... Потому что так *было проще*. Проще без ребенка, проще выжить, проще привыкнуть. Убеждала себя, что это на первое время, — а когда все устроится, как пообвыкнется, так и дочку заберет. А Нинка к тому времени все капканы расставила, все пути отрезала: и прописки ее лишила, и дочери.

В тот день, когда они — Лиза и парнишка ее — явились в поселок, Мария растерялась. Комнатка эта убогая, нищая... Но это ладно, Лиза не во дворце росла, — но главное, что Ленечка был в больнице, и все мысли Марии были там, о нем...

А тут — эта девочка. Чужая, холодная, смотрит зло и насмешливо. И парень с ней странный. Лохматый, наглый, языкастый... И Мария почувствовала, что она им мешает, что они только и ждут, когда она из дома уйдет, оставит наедине... Она и уходила. Глаза у них были такие — затуманенные, неменяемые, как у всех

Мария Метлицкая

влюбленных... А когда они уехали (то есть сбежали), Мария с облегчением выдохнула: не ко времени был этот внезапный приезд, совсем не ко времени.

Потом переписывались, но очень редко и сухо. Типовые банальные поздравления с праздниками, днями рождения... Лизу Мария ни в коем случае не осуждала — все логично. Себя снова пыталась оправдать: мол, хватит из нее злодейку делать — не в детдом же сдала, не на лавке оставила, тетке родной отдала!

Зато Нинка была счастлива! Как же, теперь у нее — неудачницы и неумехи, старой девы и нелюбимой дочери — появился жизненный смысл: ребенок.

Несчастливым и одиноким можно быть везде — в Мордовии, за Полярным кругом, в Москве и Париже: Мария это усвоила. Сколько людей она видела, сколько судеб, сколько калечных, несчастных, преданных и оставленных повидала! Сколько красивых и умных, образованных, ярких, а ничего это не значит — ни-че-го!

Иной раз посмотришь на пару — и диву даешься. Он красавец, острослов, джентльмен. А она... Без слез не взглянешь. В лучшем случае — серая мышь. Словом, никакая: ни красоты, ни обаяния, ни ума. Ни хозяйка, ни карьеристка, ни любовница, а он смотрит на нее влюбленными глазами и по плечу гладит. А она еще морщится, плечиком этим дергает: мол, надоело.

Или наоборот, другое: женщина — красавица, глаз не отвести! Смотришь — и душа ликует. Милая, остроумная, легкая. А муж рядом... Ох. Неказистый, угрюмый, бука букой, а жена ему в глаза заглядывает, в рот

Несбывшаяся жизнь

смотрит, в ухо шепчет. То одно в тарелку кладет, то другое. А муж кривится.

Усмешка бога! Зачем он соединил этих людей, зачем свел? Чтобы мучились? Или чтоб другим наука была? Да нет никакой науки... Все как всегда — на своих ошибках, на своих граблях. Чужого опыта не бывает, а судьба у всех своя собственная.

Люсинда вспомнилась, подружка давних лет.

Вот у кого тоже все через пень-корягу вышло. Красивая была, яркая, пела шикарно. Талантливая!.. За что ни не возьмется — все получается. Шила, да как! Вязала — и спицами, и крючком, и готовить любила, *из ничего* торты делала (не торты — загляденье!). А как танцевала! Как пойдет по кругу с цыганочкой, поведет узким плечиком — мужики в обмороке.

В Москве училась — на театрального гримера. В театре работала, с актерами дружила... Один замуж предлагал, три года уговаривал.

А она — ни в какую: не люблю — и все!

— Зачем он мне? Тоже мне, известный актер! Думаешь, они из другого теста?

И чем дело кончилось? А сплошной печалью: влюбилась Люсинда не в того — и собственными руками жизнь свою изуродовала.

В вора влюбилась поездного, майданщика. Полюбила насмерть: на все готова была.

А он ей рожать запрещал:

— Какие дети, ты о чем? Меня могут взять в любую минуту, с чем ты останешься?

А эта дурында решила его обмануть. Залетела — и оставила. Решила: выгонит, значит, выгонит,

Мария Метлицкая

а вдруг нет, вдруг полюбит ребеночка? До шести месяцев пузо скрывала — благо маленькое оно было, аккуратное. То шалью прикроется, то кофтой широкой. Он и не замечал. Наверное, мало смотрел на нее.

А потом его взяли. Люсинда решила: рожу — и за ним, не прогонит же! Там точно не прогонит, смирится!

А ребеночек мертвый родился.

Еще бы — от таких-то переживаний.

И в далекое путешествие Люсинда отправилась одна. Такая же декабристка...

А сколько потом, в поселке, Люсинда детей поскидывала, сколько в больницу моталась! Дважды с того света вытаскивали.

Подурнела, постарела, весь пыл из нее вышел... А он ее попрекал: что морда зеленая-тоскливая, как тухлого обожралась, что сиськи — как у старухи висят, что руки стали грубые... А потом бабу завел.

В поселке все на виду — разве скроешь? Все тут же узнали и Люсинде донесли. А майданщик ее туда-сюда шастал: два дня у Люсинды, два — у любовницы.

— Не хочу, — говорил, — никого обижать!

Сволочь был, что говорить.

Люсинда тогда чуть с ума не сошла: ревела, ночей не спала, есть перестала. И страшной стала, тощей — кожа да кости, на лице одни глаза. Еще и зубы потеряла, все там зубы теряли, — а делать-то не на что...

А он ей опять:

— Во что ты превратилась, Люсинда? Хотя — какая ты Люсинда! Ты Люська! Помойная кошка Люська, ха-ха!

Такой был мерзавец.

Несбывшаяся жизнь

Наконец решила Люсинда уехать, жизнь свою спасти. Думала долго, а собралась быстро, сил на сопротивление уже не было.

Собрали мы нашу Люсинду — и в Плес отправили. Хорошо, мама-старушка еще была жива, она и вышла.

Люсинда уехала, а майданщик ее через неделю взял и помер: вот так, за минуту — встал из-за стола и упал. Наверное, Бог наказал, а может, допился.

Всех женщин Мария жалела, всех. Полечку-соседку, Люсинду-подружку. Даже Нинку-сестру: стервоза, конечно, но тоже несчастная. Брошенную и нелюбимую жену своего Ленечки — да, и ее тоже... Бедная женщина, жизнь прожила без любви.

Только себя не жалела Мария. Потому что не считала себя несчастной. Это она-то — несчастная? Да она самая-самая счастливая! Ей *такая* любовь выпала, *такое* счастье!..

А вот Лизку жалко.

Умная девка, красивая, — а не везет. То Димка этот малахольный, дипломатический балованный сынок, то этот пентюх Лешка, деревня деревней... Большого Лиза заслуживает, нечего и говорить. Уехал, и слава богу. Ничего, успокоится, в молодости все быстро сходит. Найдет хорошую девушку — ровню, землячку, женится, родятся дети... Все у него будет хорошо.

Да и что думать о нем? Есть о ком подумать. Внучка вот растет, а характер не сахар, сложная девочка. Лиза одна. Работа ответственная, приходит уставшая, а тут

Мария Метлицкая

с дочерью стычки. Денег вечно не хватает... И отношения у Марии с Лизой не складываются, холод между ними... Неужели никогда не простит?

Ладно, как будет. В конце концов, все что Бог ни делает — все хорошо, этим Мария всегда и утешалась, в самые страшные моменты жизни. И, кстати (не всегда, но зачастую), все оказывалось именно так.

И все-таки она, Мария, страшная эгоистка. Как узнала, что Лиза беременная, — чуть с ума не сошла.

Вспомнила, как проснулась от странных звуков, прислушалась.

Звуки доносились из уборной. Плохо кому-то! Вскоčila и бросилась в коридор.

— Кто здесь? — закричала. — Лиза, ты? Что с тобой? Тебе плохо?

Заурчал, завыл унитаз, следом раздался шум спускаемой воды.

Через минуту открылась дверь и Мария увидела бледную, измученную дочь.

— Что с тобой? — испуганно повторила она.

Лиза пожала плечом.

— Ничего. Проблевалась.

И, будто нарочно задев Марию, пошла в ванную.

— Отравилась? — перепугалась Мария. — Лиза, ты отравилась?

Щелкнул замок. В дверном проеме стояла раздраженная дочь.

— Не отравилась, — зло сказала она. — Залетела.

Дверь резко закрылась.

«Залетела»... От Лешки этого «залетела», поэтому и позвала его — решила посмотреть, вдруг получится...

Несбывшаяся жизнь

«Ой, хорошо, что все так закончилось, — думала Мария. — Ужасные слова, дикие, но хорошо... Прости меня, Господи!»

Вспомнила, как Лиза зашла в кухню и включила чайник. Худющая, бледная, измученная.

— Сегодня ночевать не приду, — сухо бросила она. — Останусь в больнице.

— Ночное дежурство? — делано беззаботно спросила Мария.

Лиза ничего не ответила. А Мария осторожно спросила:

— Что делать будешь? Смотри, срок не пропусти...

Лиза как глянула на нее своими черными глазищами, чуть не спалила.

— Не тебе решать, — выпалила она и вышла из кухни.

Из коридора крикнула:

— Не забудь у Аньки уроки проверить!

«Значит, решила. — Мария с облегчением выдохнула. — Ну не совсем же она идиотка! Куда рожать второго, да без мужа? Успеет родить, все впереди».

Успокоившись, Мария заварила чай, нарезала остатки лимона и поспешила к себе. Встречаться с дочерью второй раз за это утро не хотелось, да и что обсуждать? Обычное женское дело...

Но Мария знала — по себе знала! — всегда на дне женской души остается осадок. Ничего не проходит бесследно.

А потом вон чем кончилось...

Само собой кончилось. Будто сверху кто-то руководил, вел Лизу за руку, а потом отпустил... И Лиза упала.